

Брат и Брат

Алексей
Наст

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Наст
Брат и Брат

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Наст А. Н.

Брат и Брат / А. Н. Наст — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2300-7

Родители ненавидели его с момента рождения - нежеланный ребёнок. Он рос, не понимая своей "вины", видя, как вся любовь достаётся старшему брату - "законному" ребёнку. Разве можно простить такое? Только смерть ненавистного брата, страшная, жестокая утолит обиду и принесёт покой в душу. Авантюрные приключения, кровопролитные схватки, откровенные сцены, жесткие разборки мафиозных группировок, яркая экзотика - всё это на страницах книги "Брат и Брат". Роман на основе текста "Не просто убить". Любое использование и распространение старого текста и под старым названием незаконно. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2300-7

© Наст А. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Солнце давило испепеляющим жаром. Белый автобус экскурсионной группы остановился в центре саванны. Среди сухой травы, там и тут, высились колючие кустарники. Далеко, в знойном мареве, плыли могучие баобабы.

– Что у тебя, Джонни? – экскурсовод, губастый африканец, в очках и полосатой футболке, вытащив микро-наушники mp3-плеера, возмущенно взглянул на бритого на лысо водителя.

Тот лоснился от пота, источая крепкий запах из всех пор своего могучего тела, смотрел вперед, и отвечать не торопился...

Остановка в сорокаградусную жару посреди дикой саванны не могла понравиться никому, а особенно она не понравилась экскурсоводу, ведь он отвечал здесь за всё...

– Чертов двигатель, – буркнул Джонни и улыбнулся, скупно, но словно издеваясь.

Заметив эту улыбку, экскурсовод совсем взбесился:

– Вызывай аварийку!

Чуть не трясаясь от злости, добавил:

– Быстрее-е-е...

У него возникла мысль добавить ещё пару «ласковых», но, уперев взгляд в беспомощное лицо водителя, решил промолчать. Что орать на него? Не он же, по большому счёту, виноват в том, что автобус держался на «честном слове» всё это время! ... Не производился ремонт, о котором настойчиво просили и водитель, и он сам – Авессалом. Ничего не делалось! А всё жадность хозяина! ...

Экскурсовод расслабился, но всё же упрекнул устало:

– Я же просил тебя... Я, как чувствовал, что случится такая лажа...

– Что просил!? – верзила-водитель зло стукнул ладонями по рулевому колесу, бросил ответный, полный ненависти, сощуренный взгляд. Отозвался злее злого: – Я самый главный го..юк здесь, да?! Так ты придумал?! Я всё решаю в этом чертовом парке? Какие ко мне могут быть претензии?! Я виноват в этой поломке?! ... Я пятый день допекаю босса, прошу выделить новые фильтры...

Заметив, что туристы затихли, обалдев от резкой перепалки водителя автобуса и экскурсовода, Авессалом, глядя вглубь салона и приветливо улыбаясь, спросил на местном наречии у водителя:

– Сколько у нас времени?... Скоро полдень, затем самый зной... С водой, мягко говоря... четыре литровые бутылки... А у меня двадцать туристов, из них шестеро детей и десять женщин... Джонни, ты понимаешь, что я имею в виду?! ...

Водитель вздохнул, ничего не ответил и, зло толкнув свою дверцу, выпрыгнул наружу...

Туристы ещё несколько секунд смотрели на экскурсовода, но, видя его совершенно спокойное лицо, решили, что волноваться не стоит, и тут же загомонили на своих кавардачных языках.

«Перекормленные твари!», – подумал Авессалом, потом обернулся к хмурому водителю (может с движком не полный «аут»?), улыбнулся ему по-доброму.

– Ну?!

Тот открыл капот, пару секунд смотрел на двигатель, потом выглянул, пожимая плечами, и задрал голову, устремив взгляд в небо – там очень-очень высоко парили грифы.

Водитель опять посмотрел на Авессалома.

Они снова друг другу дружелюбно улыбнулись... Два человека, которые друг друга не терпеть не могли, но были одной «командой».

Джонни-водитель снова задрал голову. Хоть двигатель накрылся, без какой бы то ни было возможности починить это убожество (а как ещё назвать раритет шестьдесят седьмого года!), он был доволен, потому что грифы парили в самой вышине, почти в стратосфере – наворачивали круги чёрными точками... Это означало то, что «прогулка по саванне» окончится обычным образом, без «страшных» приключений, за которые могло «поругать» начальство. То есть,

это значило, что хищников поблизости не было, иначе падальщики скопились бы в тесную стаю, готовые атаковать, чтобы отбить у львов или гиен их добычу! Вот почему, щуря глаза в сторону Авессалома, и мысленно ругая его, Джонни радовался такой «успешной» поломке. Могли ведь заглохнуть и в зоне охоты львов, гепардов или леопардов, а ещё гиен и африканских собак (самых страшных тварей, которые нападают огромными стаями, не боятся выстрелов и ведут себя как беспощадные убийцы!).

Он толкнул Авессалома в плечо:

– Вон зебры, вон антилопы-гну, вон жирафы... Займи туристов... Я включил вызов аварийки... Попытаюсь что-нибудь сделать сам, но не буду обнадёживать... Может, получится, может, нет...

– О,кей, – экскурсовод повернулся к оживленно переговаривающимся туристам. Они были одеты в легкие белые футболки, панамы, шорты, почти все держали в руках фотоаппараты и видеокамеры. Дети (от шести до десяти лет) что-то жевали, вынимая лакомства из пакетиков. Их мамы, восторженно тыча пальцами, пытались привлечь внимание чад к африканской природе.

Авессалом прервал идиллию:

– Леди, дети, господа ! У нас маленькая заминка. Автобус старый, двигатель немного перегрелся. Дадим ему время остыть! Пока это происходит, мы с вами покинем автобус и пообщаемся с природой тет-а-тет. Прошу вас... Нет никакой опасности! Выходите. Вы же хотели потрогать руками дикую Африку? Дикая Африка к вашим услугам. А наш великолепный водитель быстро устранит маленькую поломку!

– В памятке говорится о строжайшем запрете покидать салон автобуса во время движения по территории национального парка, – коверкая английские слова баварским акцентом, заявил толстый немец с заднего сидения.

Экскурсовод был предельно корректен:

– Все верно. Но сейчас автобус стоит, а не двигается по парку, и я, ваш экскурсовод, который отвечает за вашу безопасность и ваши жизни, рекомендую покинуть автобус тем, кто хочет пообщаться с Африкой по-настоящему, а не возле отеля... Вот реальная Африка! Хищников в этом районе парка не бывает, честно вам говорю (это истинная правда, подтвердит, кто угодно!), и все желающие могут фотографироваться на фоне дикой саванны и ее мирных обитателей.

Радостно возбужденные, переговариваясь, туристы полезли из автобуса наружу. Особенно радовались дети...

Внутренний голос грыз Авессалома, словно вампир: «Что ты вытворяешь, Авессалом? Нельзя выводить туристов из автобуса, чтобы не случилось! Плевать, что жара! Плевать, что они сойдут от неё с ума, дожидаясь починки двигателя! Возьми себя в руки, и загони всех внутрь этой раскалённой солнцем, железной посуды, пусть там изнывают от нестерпимого жара и скуки, и орут на тебя, и проклинают на все лады! Всем будет плохо! И тебе... Но совесть твоя будет чиста... А если сейчас, не дай бог, что-то случится? Даже мизерная дрянь: кто-то уколется о колючку и потом пролежит в лихорадке несколько суток. Чем ты себя тогда оправдаешь?».

Авессалом посмотрел на копошащегося в двигателе водителя.

Водителю «по шапке» при любом раскладе надают...

А ещё, если продержат экскурсантов внутри автобуса, все туристы этой группы, остаток жизни будут вспоминать и нудеть: «Чтобы когда-нибудь ещё угораздило поехать в Кению, а особенно, в такой национальный парк, где такой никчёмный, тупой экскурсовод!».

И снова Авессаломом овладел страх.

«Зато инструкции начальства будут соблюдены! В этом моё спасение!», – убеждал он себя. И тут же сам себе задавал вопрос: «Что будет потом? Меня назовут никчёмным, неуме-

лым ...» Это был бы самый лучший вариант. Могут и уволить. А сначала хозяин изобьёт так, что даже думать об этом было страшно. Искалечит, урод, а потом иди подыхай в сухой, долбанной саванне... Нет, он проведёт эту экскурсию на высоком уровне, а потом все они вернутся в новый отель, который был по плану в конце маршрута, и никто не вспомнит об этой мелкой неприятности с поломкой...

Защелкали затворы фотоаппаратов и смартфонов. Тут и там раздавались всполохи фото-вспышек. Мамаши вели видеосъемку, смеялись.

Несколько женщин, сбившись в группку, направились к ближайшим кустарникам.

– Леди, не отходите далеко ! – закричал Авессалом. Плохое предчувствие, возникшее у него, как только автобус «захлебнулся» и «сдох», именно сейчас усилилось, давя на сердце, словно он был гипертоником.

– Леди!!! – закричал он что было сил.

«Это плохо кончится!», – предрёк внутренний голос.

Авессалом чертыхнулся своему предсказанию. Господи, как же плохо всё пошло!

– Леди!!! – снова, и более настойчиво, прокричал Авессалом.

Они обернулись. Все смеялись. Одна прокричала в ответ:

– Кусты живописные, прекрасный фон для фотографий!

Тут же Авессалому подумалось: «Я теряю контроль над ситуацией! Это недопустимо!».

Но что можно было сделать? Только предупредить:

– Осторожнее, прошу вас! В кустах могут быть змеи и насекомые!

– Смотрите, смотрите, жирафы! – прокричал кто-то из мужчин-туристов.

Авессалом оглянулся на крик.

Две женщины с детьми и двое мужчин, изумленно глазели на пробегающих в ста метрах от автобуса жирафов.

Водитель, забравшись под капот, зло поругивался.

– Что у тебя? Сам не сможешь починить? – Авессалом изобразил внимание, хотя никогда ничего не понимал в механике, просто надо было как-то себя занять.

– Авессалом, не доставай меня. – огрызнулся водитель.

Злить его не следовало, и Авессалом отошёл.

Выхватывая взглядом группку, Авессалом пересчитал туристов – все были на месте... Да и куда им было деваться? Но... В это раз подобралась такая разномастная группа... Немцы, англичане, шведы, хорваты – вот группка, так группка – все европейцы, все приехали в далекую Африку полюбоваться на диковинных животных в их естественной среде обитания и заплатили за это «удовольствие» приличные деньги. Но Авессалом знал на своём опыте – такие группы считались самыми «проблемными» – европейцы были разбалованы, были всем недовольны и каждую минуту грозились, что нажалуются начальству. Во время общения с ними, улыбаясь им счастливо и плебейски кивая головой в знак полной покорности, Авессалому всегда хотелось их убить, таких упитанных, богатеньких и самодовольных. Они не были чем-то лучше его, они работали на обычной работе, отсиживали свои задницы с девяти до пяти, а здесь вели себя словно крезы... Просто здесь, в Африке, за ту же работу, в десять раз более качественную, платили в сто раз меньше, чем в старой доброй Европе. И вся Африка, весь мир мечтали порвать эту подёрнутую «благородной» плесенью старую Европу, которая незаслуженно почивала на лаврах... Ещё Европу называли континентом пенсионеров... Ничего, старпёры, держитесь, скоро Африка вам устроит такую старость, что вы проклянёте всё на свете, в том числе своих предков, которые создали колониальные империи. «Рабы» вернутся! Не ждали!? А вас уже никто ни о чём не спросит. Учите арабский!

Авессалом хмыкнул...

И тут поток мыслей оборвался, и сразу стали слышны гадкие, отвратительные звуки, которые Авессалом ненавидел с детства...

Звуки были совсем рядом – в высокой траве двигались обезьяны. Много обезьян. Стадо! Не меньше сотни особей.

Авессалом поморщился: как унюхали эти скоты запах туристического автобуса? Видимо, были совсем рядом. Сейчас начнется свистопляска – облепят автобус и будут выпрашивать подаяния. Милые такие, смешные обезьянки... Вот невезение! Теперь проблем не избежать!

Авессалом, отвернувшись от автобуса, нервничая, стал торопливо мочиться в пыль. Только бы всё прошло нормально! Ему необходимо провести экскурсию по высшему разряду! И плевать ему на всех обезьян, вместе взятых! Он возьмёт ситуацию под свой полный контроль... Сейчас отольёт, стрясёт, и начнёт действовать. Сейчас...

Конечно, бабуины последние уроды, но иногда они ведут себя, как пайнйки. И сейчас эти твари будут такими же добрыми и покладистыми...

Когда он оборачивался, пряча маленький, сморщенный член в ширинку, у него была только одна мысль – чтобы всё обошлось! Обезьяны придут, пройдут, и уйдут, а двигатель заработает, и они, вся группа, мирно и чинно, поедут дальше! И ему дадут премию! Большую, реальную премию, а не десять килограммов сушеной рыбы... Большую, реальную премию!

Водитель захлопнул капот. Отирая грязные руки ветошью, подошел к Авессалому, спросил прямо:

– Нервничаешь?

Авессалом дёргался, и никак не мог остановиться – всё трогал, и трогал член в штанах (казалось, что он располагался не так, как-то не правильно)... Сознался, мучительно кряхтя:

– Очень нервничаю. Видишь, обмочился...

– Руки убери.

– Откуда руки убрать? – не понял Авессалом.

– От туда. Не трогай его!

– Не могу! Боюсь я.

– Чего?

– Всего.

– Авессалом, при мне др...ить ты не будешь!

– Хорошо! Но меня всего трясёт! И я не др...ил! С чего ты взял?!

– Ничего я не брал. Успокойся.

– Трясёт меня, говорю!

– Почему?

– Видишь, вон там... – дёрнул Авессалом подбородком.

Джонни обернулся, и в душе у него похолодело.

– О-о... Бабуины... Только их не хватало!

Джонни вздохнул, добавил, совсем приводя Авессалома в подавленное состояние:

– Эти твари сейчас дадут нам жару!

– Они туристов задёргают вымогательствами... Облепят автобус...

– Что ты мне рассказываешь, – освирепел водитель, понимая, какая проблема приближалась. – Знаю без тебя, как нервы мотают эти убудки! Была бы моя воля – выбил бы всех бабуинов в саванне! Это самые мерзкие твари Африки! Это... слов нет...

Авессалом отозвался слабым голосом, совсем беспомощно:

– Будем надеяться, что аварийка прибудет скоро.

Он пошел к туристам, чтобы пришествие приматов не напугало детей и дам.

– Леди! Господа! Посмотрите туда!... Видите обезьян?... Не волнуйтесь! Они безопасны. Можете покормить их печеньем. Но берегите свою фото-видеотехнику и гаджеты – они назойливы, могут украсть смартфон!

– Детям можно их кормить?

– Конечно... Но будьте с ребяташками рядом. И не подходите к крупным самцам. Они безопасны, но, бывает, могут кинуться с воплем, и напугать. Им угощение предлагать не стоит! Они ваше печенье отнимут у слабых обезьян...

Стадо бабуинов, под предводительством матерого вожака, выйдя из сухой травы на дорогу, вдруг, с леденящим душу визгом, бросилось на людей, не собираясь ничего просить...

Джонни охнул – самцы бабуинов, величиной с крупных собак, опрокидывали детей, рвали им глотки, лица. Женщин и мужчин облепляли пять, шесть, семь животных.

– Господи!

Авессалом содрогнулся, и тут же был сбит с ног налетевшими животными. Боль заглушила крики и вопли умирающих, липкая кровь наполнила его рот, и он забылся в красной предсмертной пелене. Его тело рвали острые зубы, и в его распоротом животе рылись лапы, выхватывая кишки, пожирая их.

– Ма-ма-а!

Малыш семи лет, плача, бежал по дороге от автобуса. За ним увязались несколько самок. Он оглядывался и орал, теряя голос от ужаса:

– Мама! Мама!

Обезьяны легко догнали и опрокинули ребенка.

Вопль отрезвил Джонни – он сбросил с себя оцепенение ужаса, окутавшее его от созерцания страшной оргии – в пыли, плача, ревя, бились люди, пожираемые заживо бабуинами.

Джонни, могучим ударом кулака, опрокинул главного самца, оравшего от своего могущества на своё стадо рядом с ним, и побежал к клубку из обезьяньих тел – там визжал разрываемый ими малыш... Самки, свистя при виде гиганта, бросились врассыпную.

Малыш сидел в пыли, весь в крови и соплях, и трясясь, громко ревел.

Джонни на бегу подхватил его и, прижав к себе, продолжил бежать прочь... Малыш ревел, сзади выли в голос пожираемые туристы, а Джонни бежал, и бессмысленно смотрел в небо – грифы сбивались в стаю – их ждал большой пир...

У него не было ни одного шанса выжить... Но львы спали после удачной ночной охоты, а гиен он не встретил...

Через три часа Джонни, с полумертвым малышом на руках, пришел к отелю «Свазерленд», куда и направлялся их экскурсионный автобус. Всех пронзил шок – такой трагедии в парке «Кейсбери» не случалось никогда...

Это страшное происшествие дало продолжение двум обыденным жизненным историям, начавшим своё течение в далёкой, зыбкой, морозной России... И продолжение это никому даже в самом страшном, жутком сне присниться не могло! Но оно случилось...

«»»»»»

Лариса лежала расслабленно, в ожидании неистового наслаждения от близости с юным, похожим на хрупкого мальчика уборщиком бассейна Эдуардом. Она желала изошренных ласк и велела завязать себе глаза шелковой лентой, а руки приковать стальными наручниками к спинке широкой кровати.

С той поры, как отец увёз неверного мужа, подлого Савватея, куда-то в Африку, для своих грязных, но очень денежных дел, Лариса не скучала ни дня. Она мстила провинившемуся паршивцу мужу изошрённо и жестоко – повар Ашот, шофёр Николаша, охранники Прыщ и Сивый, тренер по теннису Дмитрий, тренер по фитнесу Аркадий, психотерапевт Самуил. Теперь она пригласила в свой альков Эдуарда. Эдика. Он возбуждал Ларису, впиваясь своим безусым ртом в её податливую «норку», но член у малыша, к сожалению, был совсем уж

маленький. Лариса подумывала отшить Эдика, но желание его оральных ласк оттягивало прощение.

Сегодня всё началось как обычно – Эдик завязал Ларисе глаза, неторопливо приковал её к спинке кровати, а после жадно приник к её «норке». Лариса не стонала, а тихо вздыхала. Скоро наступит пик наслаждения, а после Эдик войдет в её лоно своим тонким, коротким членом и быстро-быстро, словно кролик, начнёт совокупляться. Лариса сегодня задумала жестоко «наказать» Эдуарда – как только он прекратит терзать её языком и соберётся «получить своё», она крикнет ему: «Эдик, негодный мальчишка, немедленно развяжи мне глаза» – и ногой столкнет его с себя. О-ля-ля! Это будет здорово! Да, вот оно – уже.

Лариса глубоко выдохнула – язык Эдуарда вышел из неё. Сейчас он будет впихивать свой убожество, и она...

– А-ай! – вскрикнул Эдик. Как ему не терпелось!

Лариса не успела осуществить свой план – толстый и очень твёрдый, словно стальная палка, член ворвался в неё и стал ходить бешеным поршнем. Это номер! Эдичка так возбудился, что его член распух до нормального размера! Против воли, Лариса застонала от удовольствия. Она отдалась соитию, уходя в пелену импульсов наслаждения. И вдруг поршень замер, извергая в её лоно горячие струи.

– Нет, мальчик, ещё! Я не кончила! – вскрикнула Лариса, злясь.

Повязку с глаз грубо сорвали.

Лариса обомлела – на неё смотрел грозный Карен Балаян!

Лариса сжалась от ужаса, подобралась вверх по подушкам, потянулась на спинку кровати, но она плотно сидела на тугом члене. Карен хлестанул её ладонью по щеке.

– Зато я кончил, сучка... Куда твой папаша-маразматик дел мою жену?

Лариса ловила воздух ртом – её изнасиловали, избивают, может, убьют, и всё из-за ужасной Лолиты. Она обалдело посмотрела в сторону двери. Там стояли с невозмутимыми лицами громадные мужланы Армена Балаяна, дяди Карена. А бедного Эдуарда, зажав ему рот огромной лапищей, громко пытая, насиловал убийца Кондрат. Двухметровая гора мышц, пустой взгляд. Эдик на его фоне походил на рахитичного карлика. Из его широко раскрытых глаз катились крупные слёзы.

– Что молчишь, дрянь? – Карен сжал рукой лицо Ларисы. – Твой упырь-муж домогался моей Лолы? Ведь так, сучка? А ты решила её сжить со свету! Думаешь, твой папаша всесильный? Надо было мне раньше всё это прекратить! Но ничего, я смогу постоять за себя!

Карен поднялся с Ларисы – его тугой член всё ещё был крепок, он с трудом натянул плавки и застегнул брюки. Указал кивком головы на Ларису:

– Берём её с собой.

Кондрат, завершив акт мужеложества, толкнул бессильного Эдуарда на пол:

– Что с этим?

Карен секунду смотрел на содрогающегося от рыданий худенького хлюпика, коротко произнёс:

– Утопи его в бассейне.

– Нет, нет! – поднял вверх руку Эдик, давась слезами. – Прошу Вас! Я ничего никому не скажу! Я соберу вещи и уеду навсегда. Буду жить тихо. Прошу вас, прошу! Я простой уборщик бассейнов, маленький человечек. Я ничего не знаю, и буду молчать.

Здоровяк Кондрат усмехнулся:

– Может, его тоже возьмём с собой?

– Он тебе понравился? – хмыкнул Карен.

Кондрат сразу потушил в себе доброе начало, огромной лапой ухватил

Эдика за волосы, рывком поднял на ноги, но у того колени подгибались от наполнявшего его ужаса. Он занял, гундосся:

– Пожа-а-луй-й-ста-а, не надо.

Кондрат с придыхом всадил хлюпику кулаком в живот, вырубив его, взгромоздил обнаженное тело на плечо и пошёл к двери, услужливо распахнутой другими бандитами.

Лариса, придя в себя от шока, заорала:

– А-а-а-а-а!!!

К ней кинулись и двумя сильными ударами в лицо заставили замолчать.

Словно тряпичную куклу, отстегнули от спинки кровати.

– Карен, может, мы её тоже отыеем? – спросил один из дуболомов.

– Валяйте. Я пошёл к машине.

Выйдя из спальни в широкий длинный коридор, Карен прошёл мимо распростёртых в неестественных позах трупов охранников Ларисы – Прыща и Сивого, тупых ублюдков, которых давно следовало убить, вышел из дома, тяжело вздохнул, посмотрев на плавающее в бассейне тело Эдуарда. Следом за ним из дома вышел плюгавый Вазген, вытирая окровавленный нож о белоснежный платок – на кухне он зарезал повара. У «дона» Данилова много врагов, и чем позже он поймет, кто сделал налёт на виллу Ларисы, тем больше шансов покончить со стариком, а, может быть, и со всей «семьей».

Убийца Кондрат дожидался Карена у машины, заранее отворив дверь для него. На физиономии подонка было написано абсолютное равнодушие ко всему вокруг – он стоял у машины, жевал жевательную резинку и смотрел в небо. Карен заметил, что негодяй успел открыть багажник – для Ларисы.

Карен усмехнулся – как непредсказуема судьба, она за долю секунды может развернуть жизнь любого человека на сто восемьдесят градусов...

глава первая

Савватей Суев ненавидел Лолу Балаян. Лола была самой эффектной блондинкой и самой красивой «куклой» из многочисленного сонма редакционных сотрудниц «Курортной газеты», которая принадлежала Савватею Суеву. Всё в этой газете принадлежало Савватею Суеву – компьютеры, принтеры, копировальные аппараты, столы, стулья, видео– и звуковая техника, авто-ручки и бумага для записей. Ему принадлежали все смазливые сотрудницы газеты, которых Савватей (образцовый семьянин) пользовал по специально составленному графику.

И лишь одна возмутительная Лола Балаян не желала принадлежать Савватею.

Он её за это ненавидел...

Каждую субботу Савватей вызывал Лолу в свой просторный кабинет и велел, задрав юбку, встать в известную всем дамам позу, опершись руками о стол.

Лола покорно исполняла приказ...

Савватей, толстый, в белой рубашке, в цветных подтяжках, при галстукке с яркими цветами, не спеша растёгивал свои брюки и вынимал верного «друга».

Все прелести русоволосой, смуглокожей Лолы были въяве – загорелая гладкая попка, стройные ноги, расставленные в стороны и, конечно же, вожденная «норка», красиво обрамленная специально обесцвеченными волосиками. Что же еще требовалось Савватею? Но он был не доволен.

– Ты уступишь или нет? – взъярился Савватей, ощущая полную беспомощность перед прелестями Лолы, несмотря на тугий твердый член.

– Нет, босс, не просите. Я уже говорила и скажу снова – я буду верной женой своему Карену. Пользоваться мной как женщиной сможет только он!

Проклятая Лола, отправляясь на службу в газету, помещала в свою «норку» специальное устройство – изобретение японских инженеров – ловушку для насильников. Ловушка напо-

минала тампон, но, когда ничего не ведающий насильник пропихивал свой алчный член в «норку», из тампона выстреливала игла, пронзая самое чувствительное мужское место!

Савватей в первый раз не поверил Лоле, когда она честно призналась – вот я вся, но не изменю мужу, и полез шаловливыми толстыми пальцами Лоле между ног. Иглу, глубоко вошедшую под ноготь, пришлось вынимать в больнице.

Савватей посмотрел на свои пальцы. Что было бы, не прояви он тогда известную осторожность? Был бы сейчас кастратом. Прощай уважение друзей и врагов, прощай налаженный бизнес, преуспевание, семья. А все из-за проклятушей Лолы!

Недоступные Лолины прелести все больше раздражали Савватея.

– Как ты можешь считать себя верной женой Карену, если ты занимаешься со мной сексом в задний проход?! Как?! Объясни? Это же тоже секс, настоящий секс, а не гимнастические упражнения! – озлился Савватей, не понимая внутренних «установок» Лолы Балааян.

– Я с вами занимаюсь любовью через задний проход. Пусть так. Но моё лоно принадлежит супругу! Только ему! Ясно выразилась?

Савватей вскипел негодованием:

– Не важно, куда в тебя погружают член! Главное, что это – секс! Секс! И ты не можешь считаться верной женой, как бы не уговаривала себя! Ты шлюха, и должна признать это! Ты гадкая, мерзкая шлюха, Доступная любому мужчине, кто тебя пожелает... Нет! Ещё хуже! Ты сама предлагаешь себя мужчинам, и требуешь плату за близость с тобой!...

Савватей вдруг понял, что его понесло, он остановился и поспешил исправиться:

– Я обожаю тебя! Одно твоё слово, и мы были бы самими счастливыми любовниками...

– Я верю в то, во что верю.

Лола была спокойна и неумолима. Прекрасная в своей наготе и божественная в своей гордости! Кому под силу обладать такой женщиной? Только королям и президентам!

Савватей снова разозлился, вскрикнул:

– Пустые слова!

Она молчала, выражая тем свой протест.

Савватей, сердито сопя, подошел к Лоле сзади и медленно проник в неё в «другой проход». И сразу напрягся, поняв, что совершил старую глупую ошибку!

Она (эта тварь!) специально не пользовалась, как следует, туалетной бумагой по субботам, и всякими гелями, чтобы досадить ему (могучему Савватею Суеву), когда он, смирившись, в который раз удовлетворял свою страсть через задний проход.

За это тоже ненавидел Лолу Савватей Суев, ибо после «неправильного» соития, его член покрывался кровавыми ссадинами и нудно болел...

Кончив, Савватей, вздыхая, осмотрел свой член (опять в ссадинах!), хлопнул Лолу по красивому, загорелому задку.

– Пошла прочь! Даю тебе последний срок... Если в следующую субботу не уступишь мне, я выгоню тебя из газеты, а твоего мужа – уничтожу!

Лола, одним движением оправившись, побледнев, пролепетала в гневе:

– Вы не смеете тронуть Карена! Его дядя...

Савватей не верил её кривляниям – он считал её отъявленной дрянью. Сказал, показывая, что ему даже говорить с ней противно:

– Я знаю, кто дядя твоего Карена, и знал это всегда, и знаю, что Карен гордец, и не очень почитает достойного родственника...

Лола не нашлась, что ответить, потом почти выкрикнула:

– В следующую субботу у меня начнутся критические дни!

Савватей хмыкнул:

– Что ж, я потерплю... Иди, работай... Твоя прошлая статья меня не удовлетворила. К чему нашей газете разоблачения? Это может озлобить конкурентов! А я не хочу, чтобы мое

уважаемое имя трепали бульварные газетенки! ... Лола, я тобой не доволен, и дальше так продолжаться не будет!

Савватей обернулся, подавившись словами, которые ещё хотел сказать, но дверь за Лолой захлопнулась...

«Вот тварь!», – подумал Савватей. – «Совсем оборзела!».

Потом внутренний голос заявил ему, что не стоило ругаться по такому ничтожному поводу (неудача в сексе для него, внутреннего дурацкого голоса, это ничтожный повод!). Савву аж затрясло!

Суев ещё потряс указательным пальцем вслед ушедшей из кабинета «непокорной» Лоле, потом, морщась от своей неудачи, плюхнулся в кожаное крутящееся кресло. Всё плохо!...

Конкуренты, Лола, жена... Всё плохо! Всё не так! ...

Мысли были самыми мрачными...

Савватей вырос на рабочей окраине Новороссийска, кое-как окончил школу, отслужил в Советской армии, потом попал в банду Данилова, где выполнял грязные поручения: бил, опускал, собирал дань, случилось, дважды, лично убивал ножом... До сих пор частенько вспоминал о тех случаях, неоднократно видел всё во сне, во всех подробностях, но раскаиваться не собирался, считал, что всё делал правильно, как велел ему великий «дон» Данилов!

С годами он дослужился до «бригадира» боевиков и сразу попросил руку дочери крестного отца! Почему он это сделал, нормальные люди не смогут объяснить. Такой поступок – вызывающая дерзость. За такое голову отвернут в три минуты! Но он это сделал! Он пересилил страх смерти, желая лучшего, имея очень много... Как такого человека называть? Героем? Савва на героя не тянул. Не был он героем! Он был решительным! И только...

Дочь «дона» Данилова звали Лариса.

Это была разбалованная красивейшая белокурая бестия! Один её яркий, колдовской взгляд вызывал желание. И ещё она была жутко умна и образованна!

Таких прекрасных женщин в мире было наперечёт (это Савватей знал верно – он иногда смотрел «Новости» и канал «Культура»), и одной из них была она – Лариса! Красавица и умница! Как в такую не влюбиться? Если ты нормальный, сильный мужчина, не влюбиться в этого ангела было невозможно. Савватей и влюбился. Или внушил себе, что полюбил обалденную красавицу из «светской» тусовки. У Савватеев средств хватало, чтобы подкатить «на уровне»... Но её папа! Всесильный и злой, имеющий свои планы на брак дочери... Это была загвоздка! Савватей для него был никто!...

Савватей не испугался, попросил руку, явившись прямо к семейному обеду, с двумя огромными, дорожными букетами (один букет – маме, второй – любимой!)... Он был уверен, что реально любит эту «фарфоровую куколку». А как её не любить, если она была идеалом в мозгу Савватеев, самым высшим «стандартом», на который стоило ровняться!? Потому Савватей, презрев свою робость перед невестой, которая его никогда не видела (он-то в неё влюбился наблюдая издали, со стороны), наплевав на могущество её папы, пришёл и заявил, робея, глотая от испуга слова, и тушуясь, что хотел бы, очень хотел бы, если бы, как бы, то есть, как бы...

Самый жестокий авторитет Краснодарского края Данилов не отказал, потому что обалдел от великой наглости Савватеев, и ещё «дон» знал, что на Суева всегда мог положиться... Он же не зря заявлял всем, на каждом шагу: «Савва – мой сын! Мой сынуля! Мой верный пёс, который перегрызет глотку каждому, если почует, что кто-то только подумал, только начал затевать дрянь против меня!». И «дону» Данилову верили, ибо всё так и было!

Поэтому Савватей Суев ныне обладал приличным состоянием и газетой, через которую отмывал все грязнодобытые бандитским ремеслом деньги. «Отмывал» не только для себя... Для себя он «вычищал» процента два, остальное – для «дона», который был настолько сильным, что даже не ездил на «стрелки-разборки» в столицу, считая эти «съезды» чем-то давно

отжившим, как ныне считали в Генштабе армейское построение, состоящее из дивизий, устаревшим, а новый, мобильный строй из бригад – веяньем нового времени, новыми «нанотехнологиями»... Данилов так и говорил Савватею, перебрав водки в его кабинете главного управляющего газетой: «Савва, как всем нам велел Президент, переходим на технологии и проводим модернизацию!».

Савватей пытался уточнить: «Вы сказали: «технологии», а забыли приставку : «нано».

– Что?! – горячился тесть, совершенно пьяный. – На! На? На? На! Это не мы должны говорить, это нам все будут говорить. На! А потом снова – На!

– Технологии, – подсказывал подобострастный Савватей.

«Дон» был «укатан» по полной программе, но ещё шебуршился:

– Да. Да... На! Это самое, на... – вдруг, узнав Савватея, произнёс историческую фразу, которая окрылила Суева:

– Савва! На-а! ... На-а! Все нам будут говорить: На-а! ... На-а!

И упал в пьяное забытье...

Но идиллия отеческой заботы о «сыне Савватее» кончилась давно, хотя её видимость и держалась последние годы, и казалось, никогда гной противоречий не прорвётся вонючей жижей наружу!

Как бы этого хотелось!

Но не сбылось... Это случилось сейчас. Для Савватея удар стал неожиданным, хотя он готовился к нему с той поры, как женился на Ларисе. Он чувствовал, что он не «свой», что Данилов всегда считал его выскочкой, и готов был заменить в любой момент на того, кто ему показался бы более подходящим... А Лариса... Савватей верил, что любил её, но знал, что ей было абсолютно всё равно, кто будет её мужем – привычный Савватей или новый кандидат от отца. Она была покорной дочерью. Очень капризной в своих прихотях, но покорной во всём остальном. Она всегда безропотно выполняла всё, что велел ей отец... Потому... потому были эти оргии в кабинете с сотрудницами, и эти унижительные попытки «обломать» Лолиту Шустер, в замужестве Лолу Балаян, и этот секс, который для него был не секс, а плевок в душу...

Чтобы они все сдохли – «дон» Данилов и его разбалованная дочурка. Савватей ненавидел их обоих. Сначала ненавидел только Данилова, а теперь, после стольких лет «совместной жизни» с Ларисой, ненавидел их двоих – яблочко от яблоньки недалеко падает. Каков папаша зверь и придурок, такова и доченька, развратная мразь!...

Савватей частенько обращал внимание на то, что «дон» Данилов, рыча в сторону от него, тем не менее давно испытывал огромное желание порвать «любимого» зятя за его «тупость» и, непонятные «дону», самовольные выкрутасы. Единственной тоненькой ниточкой, которая связывала Савватея с жизнью, была «любовь» к нему Ларисы... Савватей не понимал частых её истерик, постоянных выпадов в его сторону. Он кожей чувствовал, что безразличен Ларисе, но та была так страстна с ним, так ласкала, так ублажала (при полном безразличии к человеку, такие выкрутасы устраивать не будешь – это точно!), что иногда в мозг закрадывалась нелепая мысль, что он мог быть реально любим... Так Савватею казалось временами. Она, этими самыми временами, реально обожала его – он это видел, но пугался и не верил, боялся быть обманутым, если ответит на это «искусственное» чувство. Вдруг всё было извращённой шуткой, каким-то жесточайшим, хладнокровным издевательством?!

Была такая любовь реальной или показной, Суев этой привязанности не ценил... На то были веские причины...

Он бы смирился со многим, но Лариса была «безбашенная», не умела говорить «нет» своим желаниям. А хуже всего было то, что его молодая жена, воспитанная в Америке, не признавала правил, общепринятых для замужних женщин – она любила веселиться и любила красивых мужчин, почти мальчиков. Из-за этого Савватей ненавидел Ларису. Если бы не ее

могущественный отец, давно бы задушил подушкой. И скормил пираньям... Он думал об этом не раз, думал многократно, каждый раз всё более изощряясь в своих мыслях!

«Неужели я её так ненавижу?!» – спросил себя Суев, тут же наполнившись яркой ненавистью, которая даже мешала дышать. – «Гадкая, американская шлюха...».

Савватей подошел к высокому аквариуму, где беспорядочно шныряли зубастые хищницы, прищурившись, секунду смотрел на голодных пираний. Это были самые жестокие мясоеды из Амазонки, выловленные специальной экспедицией, которую Савватей проплатил из своего кармана... Ходили слухи (он был в них не уверен), что пираньи, живущие в аквариумах, давно перестали быть кровожадными хищницами, а всё потому, что это были «домашние особи», которые из поколения в поколение плодились в неволе... И Савватей отправил двоих «удодов-рыбаков» за самыми дикими тварями, самыми кровожадными, самыми «отморозками» из рода зубастых хищниц. Он заплатил им «сотку» (сто тысяч долларов!), чтобы только «удоды» добыли ему реальных людоедов. И не надо считать Савватея самого удодом, которого можно «нагреть», купив «рыбок» и съэкономив на экспедиции, подsunуть ему «туфту». Людей он знал, а люди знали его. Они всё провернули за тридцать тысяч зелёных, а остальное оставили себе «на чай». Неплохие чаевые! Но и у Савватея в высоком длинном аквариуме ныне бились в невероятной злобе жуткие бестии, на ярость которых даже взглянуть было жутко. Думалось, они могут выпрыгнуть из аквариума и впиться в горло, в глаза, порвать губы и щеки. Это были сущие дьяволы. И они были в аквариуме у Савватея. Он боялся их, но повелевал ими... И вот, что он сделал бы с женой... Он бы... Да... Разрезал бы Ларису на куски, и тихонько скармливал этим тварям.

Он взял пинцет, открыл скляночку, где суетились головастики, захватил одного и бросил в аквариум. Вода забурлила... Секунда, и щуплое тельце разорвали в клочья.

Так бы и её сожрали, эту стерву! Кусок за куском!...

Измены жены бесили Савватея. Да, она любила юных и красивых, а он был старый и некрасивый... Наверное, эта курва и сейчас трахалась с новым садовником Никитой – худеньким пареньком со светлыми волосами, зачесанными на прямой пробор. Он издали чем-то напоминал голливудского киноактера Леонардо ди Каприо... Из-за его схожести с заокеанской кинозвездой Лариса и приголубила вздорного мальчишку. Для чего? Чтобы ухаживать за садом? Да что за ним ухаживать! Глупости всё это! Старый дед Белянкин, дежуривший у ворот, прекрасно мог бы окучить землю под кустами и полить деревья. Эту должность Лариса придумала, чтобы нанимать всяких юных говнюков для своих утех! Она и Никиту, этого оборванца, высмотрела не из-за его умения что-то делать, а потому, что он был смазлив. Юный ублюдок! А кто он? Сопляк. Нищета. Воровал помидоры на городском базаре!

Ну, нет! Сегодня Савватей не позволит голубкам порезвиться – раз ему сказала «нет» Лола, он тоже всем испортит день!

Эта мысль настолько овладела его сознанием, что Савватей, презрев все важные дела, бегом бросился из своего кабинета, мимо секретарш, через обширную «приёмную», спустился по мраморной лестнице в вестибюль, к золоченым древнеавилонским дверям царя Набонида, выкраденным из иракского музея во время штурма американцами Багдада, а ныне висевшими в петлях проема офиса «Курортной газеты». Савватей, без всякого почтения к древностям, так шарахнул дверьми, что напряглись все секретарши в приёмной на втором этаже, а их было целых шесть (нельзя же отказать видным чиновникам в трудоустройстве любимых дочур!).

Как рассказывал «дон» Данилов, он выкупил «шумерские» ворота в Израиле – ребята, по заказу злодеев-коллекционеров из цивилизованных стран, так прошерстили багдадские музеи после прохода передовой наступательной линии американцев, что историкам оставалось только рыдать! Победители-оккупанты-американцы, естественно, забрали всё ценные

раритеты, что ещё оставались... Раритеты стоили миллионы долларов. А некоторые – миллиарды!...

Война – суперприбыльный бизнес!

А как было в Египте, когда Мубарака валили?! Там «мародёры» (спецназы из Европы и США, по заказу миллионеров-коллекционеров), так прочесали музеи Каира и других городов с их сокровищами Древнего Египта, что только тлен остался. Даже самую знаменитую золотую статую египетского фараона вывезли... Где она теперь? В подвале какого европейского замка?

Савватей этими мыслями не задавался. В Ираке американцы дёргались от бессилия, глотая пыль песков пустыни? Хорошо. В Афганистане глотали песок и томились от безысходности? Их проблемы! Данилов подвесил, вместо нормальных железных дверей с кодовым замком и домофоном, этот древний хлам? Это его головная боль! А он, Савватей Суев, сейчас так нагрузит свою «благоверную», что ей, и её любимому папочке, мало не покажется! ...

Домой Савватей приехал злее черта – он тихо бесился на заднем сидении роскошного «Мерседеса», а два амбала-охранника впереди неторопливо болтали.

Не дожидаясь, пока ему откроют дверцу, Савватей сам толкнул ее и, подпрыгивая толстыми короткими ногами, побежал к белоснежной трехэтажной вилле.

Отмахнувшись от лакея, он прошел в вестибюль, огляделся – кадки с растениями, мягкая мебель, картины, скульптуры ... Жены не было видно...

– Лариса! – заорал Савватей, раздираемый даже не яростью, а каким-то подлым желанием уличить «благоверную» в гадости.

– Да, дорогой.

Высокая худенькая Лариса, в полупрозрачном красивом халатике, вышла из библиотеки. Зевнув, она опустилась в кресло, закинула ногу на ногу. Ноги как палки, но очень сексуальные (так подумалось Савватею).

Савватей не мог оторвать взгляда от её тонких ног. Может быть, она его ножками и «приманила»? Он же не гнался за богатством, да и не посмел бы (Савватей признавал, что бывал трусоват) что-то просить у «дона» Данилова. Он бы никогда не посмел... Но посмел! А сейчас никак не мог вспомнить, почему посмел? Из-за ног Ларисы? Из-за её красоты? Она совсем не изменилась за столько лет. Он – да, обрюзг, потолстел, постарел и обленился, а она... Она была колдуньей, над которой время было не властно... Почему же он менял её, такую умную и красивую, на других женщин, глупых и малопривлекательных?

«Может, правда, совсем окабанел? Перестал ценить сокровище, которым обладаю?», – подумал Савватей, и тут же усмехнулся таким мыслям – он давно не считал жену сокровищем, потому что... Потому что... Об этом вспоминать не хотелось... Кому хочется о себе гадости вспоминать! ...

– Савва, я читала эротический роман. – призналась Лариса, закрыв книжку и посмотрев на мужа зовущим взглядом. Голос был хриплый, с придыханием. – Ты знаешь, я подумала, вот бы приехал Савватей, и мы занялись бы с ним любовью... И ты приехал.

Савватей сразу поскуучнел. Ярость пропала. Пыл обвинителя погас. Запустив руки в карманы брюк, он прошел к столику со спиртным, но пить передумал. Только бы не начала приставать... Как бы там ни было, а Лоле он вкатил изрядную «порцию», и мысли о соитии сейчас, кроме досады, в нем ничего не пробуждали.

Он резко повернулся и спросил преувеличенно бодро:

– Как прошел день?

– Савва-а, иди сюда.

– Что?

– Иди сюда, говорю. Сорванец. Ты вечно в делах, и Лорик всегда скучает по своему толстячку. Иди, пузанчик...

Савватей подошел к сидящей Ларисе. Она вдруг обхватила его ноги руками и припала лицом к ширинке...

Савватей дернулся. (Только не это!).

– Лариса, прекрати. Прислуга увидит.

– Пускай! Ты – мой законный муж. Савва-а, где твой тугой гигант?

Лариса ловко расстегнула ширинку и тонкими пальцами цепко обхватила возбужденный член Савватей. Она вытащила его на свет, оттянула кожу с головки, собираясь заглотив, но вдруг дернулась, как от пощечины.

– Опять! Савва, опять! – вскричала она, вскакивая с кресла. – Ты трахал ту суку в задницу!

Однажды Лариса застала Савватей в его кабинете, когда он пользовал Лолу Балаян в нечистый анус, увидела процесс совокупления и его результат – ссадины на члене. Савватей тогда, трусливо шлепая губами, побежал за Ларисой в приемную, забыв натянуть трусы и брюки, валялся у нее в ногах, моля о прощении. С той поры Лариса начала изменять Савватей с юными красавцами. Но иногда ее тянуло к толстому пожилому мужу – в нем чувствовалась мощь опытного самца, зверина уверенность, которой не было у ее женоподобных любовников.

– А ты! Ты! Дрянь! – перешел в наступление Савватей, тыча рукой в сторону библиотеки. – Ты трахаешься с этим ублюдком. Я все знаю! Все! Никита – твой любовник! Этот жалкий садовник! Он ещё ребёнок! Ты что творишь, сука?! Что ты вытворяешь?! Ты совсем оборзела! Здесь тебе не Америка!

Савватей «понесло». Он гремел, не считаясь с «авторитетами»:

– Срал я на твоего папашу! Поняла? Срал на всех вас!

Член Савватей, покрытый свежими ссадинами, покачивался в такт движению его руки. Савватей ослеп от ярости и позабыл, что «не совсем одет»...

На крик вбежали амбалы Хрящ и Фока.

Савватей, обернувшись к ним, прокричал слова, предназначенные жене:

– Ты трахаешься с ним, с Никитой! Ты, моя жена, и я не буду больше молчать! Я убью этого дрянного мальчишку!

– Никита ни в чем не виноват, – устало и глухо произнесла Лариса.

Савватей было всё равно. Он, нагибаясь к самому лицу жены, орал прямо ей в глаза, попадая слюнями на её щеки:

– А кто виноват!? Его член?! У него больше моего?! Тебе приглянулся его тонкий длинный член?

– Ты откуда знаешь, какой у него член? – грустно улыбнувшись, спросила Лариса.

– Ах, так! – взъярился ещё больше Суев. Он уже не управлял своим разумом – им руководили гнев и великая обида на молодую, красивую, сильную (из-за отца злодея!), и такую спокойную супругу.

Он задыхался от гнева, хватая ртом воздух, собираясь разразиться новой истеричной тирадой, но его опередили – Лариса начала первой.

– Ты тварь, – сказала она хриплым голосом. И дальше её голос был спокойным и ровным:

– Я люблю тебя, а ты шлюх в задницы плющишь? Ну, ты и сука! Ты подонок, Суев! У тебя такая молодая и красивая жена, а ты тратишь себя на шалав... Ты... Не могу слов найти... Ты – дурак! Ты чмо в кубе! Ты всегда здесь можешь получить наслаждение, – Лариса хлопнула ладонью свою промежность. – А ты ищешь тварей уличных?... Мразь ты полная!

Хищно ощерившись, Савватей нагнулся к её лицу, посмотрел в её сузившиеся от ненависти к нему глаза, хотел плюнуть в эту ненавистную физиономию, но сдержался (Данилов сразу бы убил за такое!), крикнул амбалам:

– Схватите садовника, отрежьте ему член и выбросите на дорогу!

Супруга вздрогнула, ослабла.

Савватей чуть толкнул её, заулыбался – вот так-то!

– Кого выбросить, босс? Никиту или член?

Суев снова вскипел (вот тупые ублюдки!). Заорал так, что Лариса, зажмурившись, закрыла уши руками, сжимаясь в комок.

– А-а-а-а-а!!!

Всё стихло, даже стало слышно, как гудели комары, которых совершенно не брали, хваленные в рекламе, испускающие дым от электричества, спиральки.

– Слушайте меня внимательно! Повторять не стану. За неточное выполнение накажу самым страшным образом! – загремел Суев. – Выбросьте негодя и его поганый член! Теперь вам понятно?

Савватей трясло:

– Можете засунуть ему его член в карман!...

Через восемь минут ажурные ворота виллы распахнулись, и огромный «Мерседес» на полной скорости вырвался на гладкое асфальтированное шоссе, с одной стороны которого нависали скалы, с другой, внизу, плескалось зеленое летнее море.

У поворота в город «Мерседес» притормозил, задняя дверца открылась, и на асфальт вывалился связанный по рукам и ногам бесчувственный светловолосый юноша. Он был в футболке, но без брюк и трусов. Между ног у него адела кровью страшная рана.

Следом из машины вылез, в черном костюме и в черных очках, дуболом Фока. Осмотревшись, он достал из кармана целлофановый пакетик, морщась, извлек из него кровавый шматок, и вложил его в руку застонавшего садовника.

– Вот твой член, приятель. Если не подохнешь, попробуй приклеить его суперклеем. Ха-ха-ха! Без члена скучно жить на нашем солнечном побережье...

глава вторая

Шамиль оглянулся в последний раз – внизу были зеленая долина и поселок. Последний российский поселок. Впереди были горы и Грузия... Его отряд уходил за Кавказский хребет на очередную отсидку – пока боевики будут зализывать раны в приграничном ущелье, Шамиль, в сопровождении приближенных телохранителей Мамеда и Зола, вылетит домой, в Палестину, чтобы десять дней провести с комфортом, который он заработал, бегая в этих горах, взрывая мосты и дороги, грабя мирных жителей и убивая россиян.

Да, он убивал россиян, независимо от их национальной принадлежности и вероисповедания. Он только тем и занимался в последнее время, что лишал жизни юношей и девушек, мужчин и женщин, уважаемых стариков, но он не считал их своими – он не мог быть частью великой, могущественной силы, имя которой – Россия. и потому он бесился и творил беспредел на своей родной земле.

Он сам выбрал путь изгоя, и не жалел об этой, пожираемый изнутри всемогущей ненавистью к людям, которые лишили его всего, лишили самого главного – любви. Кто был в этом виноват, отец или мать, Александр не знал, но из-за своих разборок, его ненавидели оба. Отец считал его не родным, «прижитым» матерью от очередного дружка. Холодная ненависть и презрение всю жизнь исходили от отца к младшему сыну. А мать, то ли от сознания своего преступления, то ли, наоборот, от ощущения неправды в обвинениях со стороны мужа, так же не любила маленького Сашу.

Александр рос нелюбимым ребёнком, совсем не понимая, почему он изгой, среди самых близких ему людей. Зато старшему брату доставалось всё! Он был «аристократ», в его правильном происхождении ни отец, ни мать не сомневались.

Правду Александр узнал о своей «неполноценности», когда вернулся под ненавистный семейный кров, после службы в Советской Армии. И возненавидел ещё больше и отца, и мать,

и брата. У родителей свои разборки, а он-то причём? Всё детство и юность он мучился – что в нём было не так, чем он был так плох? А всё оказалось значительно проще. Проще и пошлее.

Тогда Александр вырвал из своего сердца этих людей. Отказался от них навсегда.

Он уехал далеко на восток, устроился на скотоперегон из Монголии в Забайкалье, решил забыть свою прошлую жизнь. Он стал другим существом, человеком-никто, человеком с пустым сердцем и с израненной душой, наполненной ненавистью до самых краёв.

В то время рухнул Советский Союз. В самой России шёл парад суверенитетов – республики и области рвались к самостоятельности, подогреваемые финансовой подпиткой заинтересованного Запада.

На скотоперогоне, словно в другом мире, отрешённом от страшных реалий жизни разваливающейся страны, испуганный и духовно поверженный, Александр близко сошёлся с группой мусульманских радикалов, проповедовавших крайний тип ваххабизма – джихадизм. Согласно их учению, требовалось вести священную войну против упорных «неверных» и непонятливых «верных», а на землях рухнувшего СССР создать Великий Халифат. Ради достижения этой великой цели требовался разнузданный, безжалостный террор! Для чего? Чтобы запугать всех, заставить покориться! Сломать всех и сделать рабами своих прихотей.

Эта вера мгновенно проросла в душе Александра миллионами всходов ярости. Она была тем, чего алкало его озлобленное «эго».

Александр стал фанатичным адептом джихадизма.

Тогда же православный славянин Александр превратился в правоверного Шамиля Аратского.

Прозвище Аратский Александр вывел из своего занятия, благодаря которому начал жить с новым мироощущением. Арат – монгольский скотовод. Он стал Аратским.

А имя Шамиль он трансформировал из настоящего, данного ему матерью при рождении: Александр – Саша – Шура – Шамиль.

Уже потом, быстро продвигаясь вверх в экстремистской иерархии, Александр начал глубокомысленно объяснять своим последователям и соратникам, что стал Шамилем в честь великого борца за свободу горцев имама Шамиля. Тот Шамиль боролся с Россией, и он, новый Шамиль, будет бороться с Россией, с каждым человеком, который попытается помешать главной цели – созданию Халифата!

И в этой борьбе Шамиль Аратский преуспел.

И было много крови в терактах в крупных городах России и Северного Кавказа.

И было время, когда казалось, что цель могла осуществиться...

А потом всё рухнуло.

Кавказ разочаровался в ваххабизме. Люди захотели мирной жизни. ФСБ всё уверенней пресекала новые попытки терроризма. Кольцо вокруг Шамиля сжималось...

Переменился Кавказ! Видимо, всех волков перестреляли... почти всех... Шамиль был один из последних... Когда-то он брал мзду от «неких западных хозяев» и творил заказанный ими, щедро оплачиваемый беспредел... А теперь? В Северной Африке и Западной Азии царил всемогущий мистер «бардак». Египет и Тунис никак не могли зализать финансовые и моральные раны после страшных «народных» революций. В Ливии не видно было конца и края гражданской войне. Лихорадило Сирию, а из-за неё «трясло» Турцию и бедный, злющий на Америку и Европу, насильно объединённый, Йемен, который только и мечтал, чтобы снова развалиться. Огромный регион стал раскалённым котлом, в котором кипел страшный кровавый бульон.

В связи с этим инвестиции в «джихад» на Кавказе иссякли, добровольцев-арабов тоже не наблюдалось – у них теперь дома дел было по самое горло, им теперь Россия была не интересна – ныне зоной «джихада» стали их родные страны, там стрельба и бои на улицах, а ещё маро-

дёрство, которое даёт немислимый доход, если грабить музеи родины, и продавать реликвии «неким коллекционерам».

Но всё равно, та арабская буза когда-нибудь должна была закончиться. И очень скоро – так думал Александр-Шамиль. И по-русски так думал, и по-арабски (выучил!). Основная буза должна была сойти на нет очень быстро. А хорошо, если бы она продолжалась многие годы! Главное, что его радовало, что вокруг его логова всё было спокойно – он приезжал в свой дом, чтобы хоть на пять-шесть дней обрести успокоение, расслабиться, вытравить из души ту нервозность, которая не давала ему нормально спать во время «оперативных рейдов» по Северному Кавказу и крупным городам России с килограммами взрывчатки...

Дом у Шамиля (Александра... Саши-русского) был большой, даже не дом – маленькая вилла из белого камня на скалистом холме в пригороде палестинского города Газа.

Микродворец обошелся Саше в шестьсот шестьдесят тысяч долларов. Там было всё – бассейн, бильярдная, столовая, холл с пальмами в кадках; в гараже терпеливо ждали хозяина два джипа и один кабриолет.

Хорошо жить в Палестине – всегда тепло, греет солнце. Одно плохо – война. И чего нейдет палестинским боевикам? А чего – тоже, что и всем боевикам – делаются деньги на войне и анархии.

Для Шамиля маленькая война изначально была основным бизнесом, источником постоянного дохода. А кровь соотечественников, в который он купался, похлеще любой армии киношных вампиров, его мало волновала. Он даже пьянел от крови своих сородичей, которых теперь всех поголовно считал врагами.

Несколько лет назад террористическая группа Шамиля, по заказу одной западной политической организации, устроила теракт в Москве. Погибли десятки ни в чём неповинных людей. И среди них оказались его мать и отец. Нелепый случай. Почему они там оказались?

Что было в его душе? Боль? Сожаление? Вина? ... Шамиль тогда лишь усмехнулся... Нет, посмеялся. Не истерично, не мстительно. Просто посмеялся, без всяких эмоций, холодно и цинично. Да... Но по пятнадцать раз в месяц теперь видел он во сне тот теракт, и их... И ему казалось, что сердце лопнет от боли... А просыпаясь, смеялся... Сердце становилось не властно над мозгом. Всё он правильно сделал! Согласно своей новой ипостаси!...

А после пил кофе, мрачно изъедая свой мозг тем воспоминанием...

И ещё была мысль... Ведь в Библии сказано: «Воздам Вам, за грехи Ваши, и детям Вашим, и детям детей Ваших» ... Неужели, что-то сделано было не так? Неужели то была не небесная кара, а что-то совсем другое? Не могли они оказаться в том месте, да ещё вдвоём. А оказались... Может, это наказание не им, а ему?

И сердце из-за этого страшно болело. Треть грудину, а душевная боль не унимается... Спрашиваешь Господа: «За что, Господи?». Ответа, конечно, не бывает. А ты мучаешься в терзаниях: «В чём ошибка?».

Ваххабиты разве так не просят?

Прсят!

Господа о милости просят на любых языках, в любых концессиях. Он всё понимает и даёт милость всем!

Александру так казалось.

Каким он был слюнтяем!...

Шамиль еще раз не торопясь, с наслаждением оглядел зеленую долину, закинул на плечо автомат и усмехнулся – лихое было время. Слава высшим силам, что он уничтожил в себе слюнтя Александра, оставив только новую, высшую ипостась – Шамиля! Он стал царём и богом для своих людей и останется им навеки.

В его подчинении были славяне, принявшие новую веру, упёртые прибалты, были чеченцы и дагестанцы, ингуши и балкарцы, были чистокровные арабы. Солдаты и дочери

удачи, искатели приключений, повелители своей судьбы и хозяева чужих судеб. «Хозяева чужих судеб» – это величание особенно нравилось людям Шамиля. И оно было верным. Жили простые мирные люди, любили, строили планы, воспитывали детей и внуков, а потом приходили они, «хозяева судеб». Они рушили чужие судьбы. Ни в чьих планах их не было, а они приходили, убивали и грабили. Они ловили кайф от своей «борьбы за идею». Только идеи никакой не было. Просто, это был драйв, который наполнял вены адреналином! На остальное – плевать вязкой слюной!

Северный Кавказ изнемогал от этой волчьей стаи.

Из Москвы, из крупных городов России кавказские кланы передавали боевикам деньги и оружие. Шамиль деньги переплавлял за границу. Оружие продавал и снова переправлял деньги за границу. Так накопил себе на особняк в Палестине.

А куда еще податься боевику-террористу после лихих дел? В Турцию? Можно, но ... как оно еще повернется потом – Турция все-таки страна почти цивилизованная. В Саудовскую Аравию? Шамиль не был ревностным мусульманином – скучно молиться пять раз в день, если ты родился советским ребенком, воспитывался по русским понятиям в детсаду и школе.

Он был ярым адептом своей веры лишь в одном – в безжалостной кровожадности!

Шамиль снова усмехнулся, пропустив сквозь мозг миллионы сомнений и дум, вяло взмахнул рукой отдыхавшему отряду – его люди, грязные, не мытые, многие во вшах, вздыхая и ругаясь, стали подниматься – требовалось идти по перевалу, чтобы ночью миновать российско-грузинскую границу – там уже таиться не требовалось.

Шамиль тряхнул головой – мысли в голове роились сумасбродные. Он ведь сам был богатый «мэн». Теперь, когда он решил бросить войну, требовалось вести себя респектабельно, выдавать за успешного бизнесмена. А что, палестинский финансовый магнат Шам-эль-Арат. Разве плохо? Он обдумывал этот псевдоним сырыми ночами среди гнилых, истлевающих буреломов северокавказских лесов...

Особенно много денег он сделал на фальшивых долларах – мешками сплавлял их в Москву за треть цены настоящих. Типографию федералы уничтожили лишь позавчера. Да, с Россией его уже ничто не связывало. Нет, стоп! Был один человек. Если с ним не разделаться, как с гнилым ноющим зубом, он своим существованием вгонит его в гроб.

– Арсан! – Шамиль позвал крупного, на лысо бритого здоровяка. – Возьмешь свою пятерку и вернешься. Найди Каменева.

– Убить?

– Нет. Захвати его и доставь... туда, в Палестину.

– Почему раньше не говорил?

– Думал.

– Убить его, и дело с концом.

– Может, ты и прав, но это сделаю я. Иди. За дело получишь сто тысяч зеленых.

– А мои люди?

– Сам с ними вопрос реши... Выполняй.

Арсан рыкнул, и из вереницы усталых, поднимающихся по склону боевиков спустились к нему пятеро. Он коротко передал им приказ Шамиля. Они оглянулись на задумчивого предводителя, огладили лица: «Аллах акбар!» – и поплелись обратно – вниз, в долину. Арсан махнул на прощанье Шамилю рукой. Шамиль вздохнул – тяжелое он поручил им дело, но важнее его не осталось для него на свете. Месть есть мечь. Шамиль был уверен в Арсане на сто процентов – он волком прорысит по ночному лесу, ужом проскользнет в высокой траве, растворится со своей пятеркой в давно живущих мирной жизнью микрорайонах. Спустя день-два Арсан найдет Каменева (отдельная спецгруппа ФСБ ещё квартировала на территории воинской части после спецоперации) и сумеет выкрасть лихого майора.

А дома – в Палестине – Шамиль припомнит злодею всех своих загубленных друзей и сподвижников. И себя самого.

Майор влез не в свое дело, влез сам, по собственной охоте. Он специально, как гончий пес, кружил вокруг, пылая жадной порвать горло «новому Шамилю». Урод. Винил Александра в том, что было не важно...

Шамиль уйдет на заслуженный отдых, только после смерти этого дурака – изошренной, дикой смерти, чтобы тот содрогнулся от ужаса в последнюю секунду и проклял себя за то, что судьба дала ему в главные враги Шамиля Аратского...

«Майор Каменев, скоро для тебя всё кончится. Совсем скоро», – вертелась в мозгу Шамиля навязчивая мысль. – «И я послушаю тебя, перед твоей страшной смертью! А после унижу и надругаюсь самым ужасным образом. И ты будешь молить о пощаде, и я, получив наслаждение от твоих мук и страданий, может быть, окажу милость... Может быть! ...»...

Отряд заночевал на самой границе. Хотели перейти в Грузию еще в вечерних сумерках, но, как назло, наткнулись на армейскую разведку спецназа – таких бродячих разведотрядов федералов в последнее время развелось сверх всякой меры – выискивали последние базы солдат удачи и наводили на них авиацию. А после территорию «зачищали» местные милиционеры. Так было и в этот раз – десяток федералов, увешанных маскировочными сетями и ветками, словно ожившие лесные чудища, не отвечая на яростную стрельбу людей Шамиля, кричавших от страха и волнения, растворились в густых зарослях, а минут через десять налетели «чёрные акулы» или «аллигаторы»(чёрт их разберёт!), и лес превратился в кипящий огненной лавой ад.

Из вихря огня и смерти ушло не больше двух десятков бойцов. Раненых перевязали. Они осложняли переход границы, и Шамиль велел ночевать в России, не разжигая костров, чтобы, не дай бог, не обнаружить себя. Вдоль границы сновали наряды пограничников – ещё один такой налёт, и за границу не уйдёт никто!

Шамиль сидел в натянутой для него палатке, фонариком водил по карте – дальше, уже в Грузии, он поведет людей по ущелью к поселку, где сдаст раненых в тайно размещенный там полевой госпиталь, а со здоровыми на «газелях», не таясь, отправится в Тбилиси...

Был такой эпизод в его «подвигах» – уже в величии славы и силы, он возжелал дочь старейшины Гаяра. Старик отказал. Отказал, чтобы ему пусто было на небесах, из-за того, что Шамиль был славянином. Этот отказ был как пощечина, как выплеснутые помои в лицо.

Верный Арсан зарезал старейшину, а его смазливую дочь выкрал – теперь она ходила беременная по мраморным полам палестинской виллы Шамиля, готовясь родить Сашке-русскому наследника. Смерть старика свалили на милицию. Для пущей убедительности расстреляли всех его несовершеннолетних сыновей и обронили рядом с трупами российский шеврон.

Такую услугу следовало щедро оплатить – Шамиль организовал нападение на финансовую часть подразделения внутренних войск, а все деньги, в тугих, защитного цвета вещмешках, подарил Арсану.

Но далеко уйти они не успели. Словно коршун, налетел вездесущий майор Каменев.

Был бой, и Шамиль, впервые за долгие годы, мог завалить уroda, который охотился за ним так яростно и упорно... Тогда подвёл автомат, и вогнать пулю между глаз майору не удалось... Зато тот уложил многих друзей Шамиля, верных его соратников, поборников вечной войны с Россией...

Теперь у Шамиля в отряде было много арабов, которых он сумел-таки на вербовать в Палестине уже после «парада арабских революций», и федералы объявили приход его группы иноземным вторжением. А раз так, то на Шамиля снова кинули спецгруппу во главе с майором Камневым – в ФСБ знали о его непримиримой ненависти к Шамилю Аратскому, и майор Камнев был идеальным ловчим «последнего волка».

Передовой отряд под командой Каменева, загнал людей Шамиля сюда, на границу, он сам, майор-урод, лично уничтожил типографию, печатавшую фальшивые доллары, и Шамиль

знал, если сейчас не уйти, убьют и его. Он лично убьёт, этот ублюдок! ... Но он верил Арсану. Потому был шанс, что майора захватят.

Тогда Шамиль успокоится окончательно, и ему не придется больше возвращаться на уже опостылевший, истерзанный Северный Кавказ, чтобы устранить эту единственную преграду к своей новой жизни.

Ты начал новую жизнь, а старая не хочет отпускать! Какое великое противоречие!

Выйдя из палатки, Шамиль присел на корточки, наломал веток и запалил костерок – никто из его людей не посмел сказать ему, что огонь может выдать их стоянку. Он сидел, ломал ветки, подбрасывал их в прожорливый огонь и думал, что месть – благородное чувство. Расправа над подонком – единственное дело, которое осталось не выполненным Шамилем в его войне против страны, которая его обманула. Убив ублюдка, он закончит свою войну... Навсегда...

глава третья

– О, мамочка! Мама! – Лариса заламывала руки и глядела заплаканными глазами в зеркальный, исписанный фресками, потолок. – Он убил его! Убил моего зайку!

Вдруг Лариса оборвала стенания и воззрилась на вошедшего в холл виллы высокого, степенного, седоволосого мужчину. Мужчина был в идеальном сером костюме-тройке, белоснежной рубашке и цветном галстуке. На мизинце холеной руки блеснул золотым желтком перстень крестного отца – насмотревшись в своё время саги о всеильной «Коза Ностра», Иван Данилов построил свою «организацию» наподобие сицилийских преступных сообществ. Поклонения требовал такого же, как в голливудских киноэпопеях.

– Папа! – взвизгнула Лариса. Она бросилась к мужчине, рыдая и вытирая глаза носовым платком, порываясь сказать еще что-то, но слезы душили и не давали говорить.

– Дочка, – мужчина властно и строго сжал плечи Ларисы, отстранил от себя, тряхнул. – Успокойся. В чем дело?

– Папа, Савва убил моего зайку! Убил! – Лариса готова была вновь впасть в истерику, тряся рукой и указывая за диван.

«Крестный отец» разглядел окровавленный трупик кролика, того самого, который был любимцем дочери. Гадкая выходка Савватаея требовала строго разговора с зятем.

– Он раздавил его случайно?

– Нет! Специально! Все из-за проклятой потаскухи Балаян! Он приехал взбешенный домой, велел расправиться с нашим садовником, а потом убил – затоптал моего бедного зайку.

– Хм, – задумался «дон» Данилов. Велел дочери. – Успокойся. Я поговорю с Саввой. Где он?

– В своей проклятой газете!

Отец Ларисы вышел на крыльцо, поманил к себе одетых в строгого покроя костюмы дуболомов, жующих жвачки подле старинного дорогущего лимузина.

– Борис, Гога, поезжайте в редакцию и привезите сюда ублюдка Савву и его сучку Балаян! Дуболомы, без лишних уточнений, дружно погрузились в лимузин и покатали прочь...

Через четверть часа Савватей Суев ползал на коленях перед «крестным отцом», пачкая свои белые брюки.

– Папа! Я всё объясню!

– Савва, ты дурак, – строго вещал «крестный отец». – Мою дочь ты променял на жалкую шлюху. Ты заставил меня усомниться в тебе.

Лола Балаян, гордо стоявшая тут же, сдерживаемая за плечи здоровенным двухметровым Борисом, дернулась, как от пощечины.

– Я не шлюха! Я порядочная женщина. У меня есть муж, и я храню ему верность.

Данилов, усевшись в кресло, на слова Лолы взмахнул своей узкой ладонью:

– Замолчи, женщина! Я не верю ни одному твоему слову. А тебе, Савва, я покажу, как следует обращаться со шлюхами. Уложите её на стол.

Лола взвизгнула.

Бандиты, не взирая на её дёрганья (а она выла, царапалась, пиналась и плевала в лицо), уложили её на чистый письменный стол (дело происходило в кабинете), развели в стороны её стройные ноги и задрали платье, обнажив соблазнительные белые трусики.

Савватей застонал от желания. Проклятая Лола! Эта аппетитная загорелая зеленоглазая малышка сводила его с ума.

Данилов был спокоен. Он шевельнул одним только пальцем.

Дуболом Гога, гадливо улыбаясь, извлёк из кармана своей жилетки пинцет и показал его всем.

– Не делайте этого! – завизжала Лола. – Пинцет не стерилен! Вы меня заразите! Я сама... Сама её достану.

Данилов милостиво кивнул головой.

Лолу отпустили. Она села на столе, брезгливо глядя на Савватей, запустила свои тонкие пальцы себе под плавки, покопалась там секунду, и вытащила адскую машинку. Савватей содрогнулся и передернул плечами – старые воспоминания о болезненном действии этого механизма, оказались живы и очень реальны. Кровь в венах стыла от мысли, какой страшной пытке он мог подвергнуть себя, если бы, в порыве страсти, неосторожно проник в лоно Лолы своим членом.

Савватей ещё раз передёрнул плечами.

Лола снова посмотрела на него с презрением и швырнула машинку в Савву. Он еле успел увернуться.

Лола покорно улеглась на стол и развела ноги в стороны, готовая принять в себя любого.

– Я же говорил, что она шлюха! – заявил Данилов. – Ты зря думаешь, Лолита, что я велю своим телохранителям овладеть тобой. Секса не будет! Ты не будешь резвиться на моих глазах.

Борис и Гога, уже поверившие, что им «придётся» как следует попользоваться «в назидание» прекрасную Лолу, разочарованно засопели.

Лолита удивленно повернула голову.

Данилов рассматривал свой перстень на мизинце.

Савватей пополз на коленях к тестю.

– Папа, позволь мне опустить эту шлюху. В назидание.

– Савва, ты не просто дурак (как я думал о тебе все эти годы!), – Данилов говорил монотонно. – Ты идиот. Ты полный придурок. Ты смеешь думать, что я позволю тебе, на моих глазах, изменять моей дочери? Я чту семейные традиции. Русский мужчина без семьи – ничто. У него должны быть жена, дети, и он должен посещать церковь. Хотя бы изредка... Когда, Савва, ты был в церкви?

Савватей ошалело оглянулся на не менее ошалевшую от всего Лолиту.

– Я ...

– Да, ты, чёрт подери! – Данилов, вдруг взъярился и хлопнул ладонью по подлокотнику кресла.

Савватей подобострастно задёргал шейей.

– Савва, зачем ты изувечил садовника?

– Он пялился на Ларису, на мою любимую супругу, – я велел отрезать ему член. Он негодяй! Он ничтожество!

Данилов засмеялся и посмотрел на своих телохранителей. Те тоже заулыбались, не зная ещё, что вызвало веселье босса – то ли выходка Суева, то ли дерзость садовника.

– Савватей, если он пялился на мою дочь, ему надо было выколоть глаза, осёл! При чем тут его член?

Борис и Гога заржали жеребцами, давая понять, что им всё ясно с интимной жизнью Суева.

Савватей набылся. Рассказать правду, почему садовник лишился члена, он не смел и не желал. Он исподлобья метнул взгляд на Лолу – та всё ещё сидела на столе, скрестив ноги, и презирала его. А всё мерзкий тесть. Савватей ненавидел их всех – тестя, его дикарей Бориса и Гогу, и сучку Лолиту. И ещё жену Ларису. Лорика. Прозвище придумала себе идиотское. Он оплатит им всем! Всем!

Отсмеявшись, Данилов уже добродушно велел Савватею:

– Не забудь купить Ларисе нового кролика. Чем провинился бедный зверёк перед тобой? С нервными порывами надо уметь совладать, Савватей!

Савватей обижено молчал. В его ситуации это был самый лучший способ защиты.

Данилов взглянул на Лолу.

– Хватит сидеть на столе. Слазь и приведи себя в порядок. Будем обедать. Повар обещал какой-то изумительный соус к жаркому.

Лола, поняв, что, ничего худого с ней не сделают (по крайней мере, сейчас), спрыгнула со стола и оправила платье.

– Господин Данилов, я тороплюсь. Простите меня. Я не могу принять вашего приглашения к обеду. Я очень тороплюсь.

Данилов добро улыбнулся.

– Никуда ты не пойдешь! И ты, и Савва, поедете со мной. Я ещё не наказал вас. А если я решил наказать вас, я решения не изменю!

Савватей задумчиво сжал губы – что-то старик разошелся на этот раз, как бы не убил, по своей стариковской дурости. Оставит свою дочь вдовой, а та, тварь, будет радоваться и хлопать в ладоши. Нет, как все-таки хреново быть мафиози – постоянно дрожишь за свою шкуру – убьют, не убьют?

В мозгу Савватея прочно угнездилась мысль, что, пока он не уничтожит эту шваль, которая портила ему существование всю его сознательную жизнь (он метнул взгляд на Данилова, а потом на фотографию жены в рамке на столе), он не сможет избавиться от животного страха, не сможет нормально жить, как все порядочные люди.

Данилов взглянул на зятя, затем тоже посмотрел на фотографию дочери в рамке и вздохнул:

– Бедная Лариса.

Какие мысли в голове старика были относительно него, Савватей не смел догадываться...

глава четвертая

Группе Арсана не повезло – в городе майора Камнева не оказалось.

– А где он? – Арсан сидел в кабинете районного начальника отряда местной полиции Вахи Уягова – в прошлом Арсан и Ваха были одноклассниками и, вообще, до прихода к власти ветреного генерала Дудаева, считались друзьями.

Говорят, если бы Ельцин вовремя дал Дудаеву новую генеральскую звездочку на погоны и определил командовать одним из сибирских военных округов, в России не было бы ненужных битв на Кавказе и десятки тысяч жизней не прервались так нелепо и страшно. Но случилось то, что случилось – Арсан стал сепаратистом и бандитом, кем оставался по сию пору, а Ваха уехал к деду в Петербург, благополучно пересидел в стороне всю бучу, сохранив «чистую репутацию», и теперь, вернувшись, занимал крутой кабинет, при окладе, погонах и почете.

– Фээсбэшники вчера убыли в распоряжение своей части, в Центральную Россию... Что им здесь делать? ... Вас же разбили! Опа-па-а! Герои!

– Не трави мне душу!

– А твой майор прямиком отправился в мой любимый город Санкт-Петербург в плановый отпуск. Там у него, кажется, бабка или тётка...

– Ты откуда всё знаешь? Ты мент, а не разведка!

Ваха показал руками:

– У нас тут всё вместе.

– И как я туда попаду? – Арсан устало отер щетинистый подбородок. Он планировал обделать всё быстро, а тут... И не приедешь к Шамилю в Палестину с пустыми руками – наорет, обзовет страшными словами и отправит обратно, и денег не даст столько, сколько пообещал сейчас.

– Деньги с собой есть? – Ваха прикурил от массивной настольной зажигалки в виде блестящего стального паровоза (подарок районной администрации за успешную борьбу с местными экстремистами).

– Куда в нашем деле без денег! Тебе надо?

– Людям ... – Ваха подумал. – И мне дай. Я поговорю кое с кем, расплатишься, получишь реальные паспорта, тебя проведут до Волгограда.

– Хорошо. Столько хватит?

Ваха, улыбаясь, спрятал доллары в нагрудный карман полицейского кителя.

– Позависай в тихом месте пару дней, потом я пожму тебе руку, и скажу: «Счастливого пути, дорогой!».

Через четыре дня Арсан и его архары, одетые в кожаные куртки, дерзко оглядывая красивых петербурженок в коротких юбках и модных пальто, дымя сигаретами нагло стояли на Невском проспекте и чувствовали себя дома.

– Эх, зря мы там воюем, – подвел итог своим ощущениям Тапид, друг и главный помощник Арсана.

Проносившаяся мимо полицейская патрульная «тойота», вроде тормознула, но крутой вид горцев отпугнул – приняли за местных, помчались дальше.

– Давно не был в большом городе, – сказал Тапид.

– Цивилизация.

– Эй, девушка, скажи, время сколько?

Высокая, богато одетая девка, выгнув бровь, фыркнула надменной кошкой, но, улыбаясь, изогнула свою изящную лапку с часиками, поворачивая к себе циферблат.

– Семнадцать минут пятого.

– Спасибо. Слушай, ах, какая ты красавица!

Снова смешливо фыркнув, девка зашагала прочь.

– Ай, как хорошо, – Тапид вздохнул полной грудью. – Дома я. Нет, Арсан, сделаем дело, кто куда, а я сюда – в Россию вернусь. Чё я забыл в той Палестине? Шамилю надо – пусть там сидит.

– Расслабься. Я смотрю, у тебя голова кругом пошла после леса!

– Я здесь на всяких делах денег больше сделаю, чем за все годы, что по горам с автоматом бегал. Мой дядя Дауд здесь, в Питере, ещё при Союзе торговал – живой воды у нас только не было. Он себе диплом кандидата искусствоведения купил – все его уважали...

– Где он теперь?

– Здесь! Не хочет видеть меня – говорит, не компрометируй.

– Козёл он.

– Ты что это моего дядю обзываешь? Поссориться со мной решил? Козёл не он, козёл – это я. Все мы козлы.

– И я козёл? – напрягся Арсан.

– Тебе виднее, – ушел от прямого ответа Тапид. – Ты же командир.

– Успокойтесь оба, – вмешался Кит. – Вон хрен из агентства недвижимости приехал.

– Точно он?

– Он. «Шестерка» белая, 926 номер. Геннадий Петрович.

Риелтор хмуро обозрел шестерку горцев, подождал, пока они усядутся в его тесной машине.

– Надолго к нам?

– Нет.

– В отпуск?

– В отпуск.

Риелтор переключил скорость.

– Счастливо отдохнуть. А квартирка загляденье. Мебели нет, кроме кроватей и холодильника, но таким джигитам мебель зачем? Ведь точно? Ха-ха! Будете довольны. В следующий раз приедете – снова ко мне обратитесь. У нас агентство надежное – без обмана.

– Уговорил.

Арендовав двухкомнатную квартиру на месяц, побросав вещи в сумках на кровати, поехали по адресам, где можно было найти «заказанного» майора. Перво-наперво требовалось установить его местопребывание, потом отследить маршруты передвижения, а уж потом спланировать захват. Всё, как всегда – чисто и профессионально.

глава пятая

Арсан сидел в квартире перед купленным вчера телевизором «Рубин» старой модели с выпуклым экраном. Купили в комиссионном магазине. Телевизор был почти новым, а стоил всего две тысячи рублей. Его придется бросить здесь, в этой квартире, потому взяли самый дешёвый. Арсан и так уже вложил в дело кучу собственных денег. Шамиль отдал приказ, а денег на различные непредвиденные расходы не вручил. Предполагалось, что Камнева захватят в северокавказском приграничье, вышло иначе. Придется выставить Шамилю дополнительный счет и за дорогу, и за квартиру, и за этот телевизор, да только Шамиль жадный на деньги, будет яростно торговаться за каждый цент. Представляя всё, Арсан сокрушенно покачал головой – есть такие траты, которые оспаривать неприлично – дело-то делается важное.

Он жевал хрустящие кусочки жаренного креветочного мяса из блестящего пакетика и напряженно следил за происходящем на экране. Шла передача о событиях в Палестине. Никак не мог успокоиться арабский мир. Сначала Тунис и Египет взорвались народными волнениями, потом Йемен, Ливия и Бахрейн. Теперь вон Сирия... А в Палестине всегда шла буча, вечная война...

Его «злодеи» что-то долго не возвращались – им было поручено отследить Камнева по его обычному маршруту – от дома бабки, где он гостевал в отпуске, до бассейна и зала бодибилдинга. Вечерами майор тешил свое литое тело сотней килограммов металла, а потом, блаженствуя, плескался в прохладной водичке – хорошо отдыхал мужик, полноценно, со вкусом. Уважал таких Арсан. Но он был враг.

На экране телевизора инфантильный дядька-ведущий, развалясь в мягком кресле, говорил о всех этих свергаемых старых диктаторах, которм, на старости лет приходилось, всё бросив, спасать свои жизни и жизни многочисленной, оборзевшей от многолетнего всесилья родни, о палестинских боевиках, снова начавших дёргать Израиль, о проводимых еврейской полицией зачистках...

«Как у нас на Кавказе», – подумал Арсан.

Тут же пришла веселая мысль: если евреи окончательно разозлятся и устроят автономию Палестины, отберут у Шамиля его коттедж в Газе или нет? Он ведь видный боевик-террорист, а террористов ныне не очень жаловали на Западе. Останется Шамиль в драных штанах. Е-е! Так ему и надо, уроду!

Мстительно хмыкнув, Арсан смял пустой пакет от креветок, переключил канал. Дверной звонок проблеял условленным сигналом – свои.

Щелкнул проворачиваемый ключом замок. Арсан обернулся на звук, готовый наорать: «Почему так долго?», но голос вдруг отказал.

В дверях комнаты стоял высокий, статный молодой мужчина в зелёном камуфляже и такой же камуфлированной кепке. Ноги у Арсана непроизвольно расслабились: «Неужели вычислили так быстро?». Нет, скорее эти твари попались на какой-то мелочи и сразу сдали его! Сдали, уроды!

У Арсана спёрло дыхание. Неужели всё, «приехали»?! Теперь только небо в железную клетку и пресная баланда на остаток недолгой жизни?

Сердце сдавило. Арсан схватился за грудь, опёрся спиной о стену. Не думал, не гадал, никак не ожидал, что...

– Проходи, Саша, – сзади показался Тапид и панибратски втолкнул визитёра в зал.

Парни, водружая пакеты с едой и выпивкой на журнальный столик, устало рассаживались на кровати.

Арсан молча ждал объяснений.

Тапид быстро вытащил из бумажного пакета бутылку водки, откупорил, стал наливать в пустые, грязные пластиковые стаканчики.

– Водку будешь, Саша?

Саша замялся.

– Ты мужик? – спросил напористо Тапид.

– Да, – с великим сомнением сознался Саша.

– Мужики все пьют. С нами пить будешь за свободу Кавказа, а потом мы тебя е...ть будем, в рот давать будем. Всё будет, как договаривались.

Посмотрев на совершенно обалдевшего Арсана, Тапид пояснил:

– Это гомик. По телефону сняли. У них здесь часто таких заказывают наши ребята с Кавказа – в камуфляжи наряжают и трахают за все свои личные обиды. А у этих на фирме ничего такого не было, пришлось в рыболовный магазин заезжать, купили вот такой камуфляж. Рыбак. Идёт ему, да?

Арсан заулыбался. Что только не придумают эти русские, лишь бы деньги тянуть.

– Про дело не беспокойся, – сказал Тапид. – Клиента отследили. Завтра всё сделаем четко.

– Это самое главное.

Стали пить и есть. Саша выпил два стакана водки, охмелел, вяло жевал соленый сыр с петрушкой, помидоры, лаваш.

– Ешь, ешь, – поглаживал Сашу по спине с доброй усмешкой Тапид.

– Хватит жрать, пора! – подскочил Кит. Он всегда был склонен к «причудам» – один раз в горах собаку «отбабахал», пленных кастрировал во время Первой чеченской, ему же пришла в голову мысль так «порадовать сердце» сегодня. «Отомстить», не понятно кому, неизвестно за что... Грозя Саше пальцем, заявил:

– Представим, что теперь ты наш друг – местный дядька... Ты же местный?

– Из пригорода я, – еле сумел выговорить «совсем пьяный» Саша.

– Вот! Очень хорошо! – глумился Кит. – У нас завтра с этим местным дядькой деловая встреча... Мы на тебе и потренируемся!».

Архары и Арсан грохнули хохотом.

Икнув, Кит сурово спросил:

– Ты готов, местный?

Саша с готовностью стянул камуфлированные брюки и плавки защитного цвета, встал в позу на четвереньки. Кит вдруг засомневался:

– Ты не заразный?

– Нет. Я этим профессионально занимаюсь, не какой-нибудь уличный, – в пьяном голосе Саши послышались нотки гордости.

Арсан удивился: «Вот сука! Ещё гордится своими подвигами, мразь!».

Кит думал о своём. Заявил Саше сурово:

– Смотри... Если что-то – убью.

Кит «заработал», как исправный маятник. Горцы выпивали, молча смотрели на соитие, жуя пряную зелень и мясную закуску.

– Что молчишь? – сердито спросил Кит Сашу.

– А что?

– Надо говорить : ай, ай.

– Ай! Ай! Ай-я-яй!

Горцы покатались со смеху.

– Кит, я тоже так хочу! Саша будет Айдаром из аула! Он, гад, меня достал своим дебилизмом!

– Саша?

– Айдар! ... Причём здесь Саша? ... Хоть сейчас отплачу за всё Айдару!

После этого грохнули хохотом все, даже Саша.

– А я отомщу отцу Джамели! Он, угод, сначала согласился её отдать, а потом, я оказался для него чересчур бедным! Ненавижу!

– Знаем твою историю!

– Мне от этого легче?!

– А будет легче после Саши?

– Будет!...

– Парни, давайте выпьем! Саша, пить будешь?

Саша отрицательно завертел головой – он уже был в своём «виртуальном» мире.

– А я Георгию Георгиевичу сейчас отплачу, толстый такой, тварь. В 1998 году на три зарплаты меня обул, – сказал Арсан. – Я тогда молодым пацаном был, а он со мной так...

– Арсан! Какой сейчас год и где твой 1998-ой?!

– А я помню! И всю жизнь помнить буду! Может, сейчас полегчает! Оторвусь, и всё забуду! А?!

Все засмеялись.

Резвились до утра...

Утром утомленного Сашу, вручив ему оговорённую сумму, отпустили с миром, а сами легли отсыпаться до вечера – в девятнадцать ноль-ноль их клиент выйдет из дома ...

глава шестая

Данилов с дюжиной приближенных (охрана, массажист, адвокат, видеооператор и др.), прилетел на несколько дней в Хургаду. Этот курортный оазис Египта манил европейцев своей ультрасовременной оснащённостью отдыха на море среди песков, и относительной дешёвизной. К тому же он был на отшибе, и даже во время памятных волнений «революции» против Мубарака, здесь было тихо и безопасно.

Данилов хотел привести свои мысли в порядок среди финиковых пальм, там, где не будет докучливых соглядатаев от конкурирующих «семей», а заодно, понежить старые косточки на белоснежном песке морского залива. Шлюху Лолу Балаян и дурака Савву он привёз с собой.

С той поры, как он решил наказать сладкую парочку, он не отпускал голубков от себя ни на шаг. Лолита спала в спальне справа от него, Савва – слева. Данилов вечерами признавался себе, что вина Савватаея не такая уж большая – ну, отбарабанил редакционную шлюху в задницу – дело молодое, как говорится. Всё-таки он мужчина, а дрянь Лола очень красива. Да, во всем виновата Лолита Балаян. Если бы она просто уступила Савватаею, ничего бы не было – Савва забыл бы её, как забыл сотню других шлюх, и в его семье царили покой и уют, а бедная Лариса не изводила себя слезами по ночам. Но Лола сделала себя недоступной для Савватаея, и дурак Суев возжелал её больше жизни. Дурак – он и есть дурак!

Данилову теперь доставляло удовольствие «пытать» Савву – он велел Лолите поднимать подол своего легкого платья, демонстрируя божественное ажурное бельё, и наблюдал, потешаясь, как у зятя темнело в глазах от столь сладкого видения. Данилов смеялся, но после мрачнел – Савватей просто дурак, а вот его дочь Лариса дрянь и потаскуха. Перед Савватеем Данилов разыгрывал неведение в отношении поведения дочери, но верные люди ему доносили регулярно о бурных случаях Ларисы и всякой дворовой швали – садовников, шоферов, уборщиков мусора, массажистов. Савватей впервые в жизни совершил мужской поступок, когда жестоко наказал садовника – он боролся за свою честь, которая была так преступно попорана. Конечно, можно было просто удавить несчастного, а не поступать, как инквизитор – отрезал член и бросил умирать наглеца на дороге от потери крови. Все краевые и городские газеты потом целую неделю негодуяще вопили о новых зверствах организованной преступности Краснодарского края.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.